

УДК 349:681

DOI 10.25688/2076-9113.2022.46.2.06

П. С. Гуляева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: polina-gulyaeva2016@bk.ru

**КВАЗИПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию общеправовых аспектов регламентации деятельности самообучающихся систем. Цели работы включают анализ легального определения и доктринального толкования термина «искусственный интеллект». В рамках изучения категории субъекта права рассмотрен дискуссионный вопрос о возможной правосубъектности автономных алгоритмов. Методология основана на формально-юридическом исследовании нормативных правовых актов, регулирующих искусственный интеллект. Новизна темы состоит в том, что в научной литературе отсутствует достаточное количество теоретико-правовых исследований, касающихся вопросов определения последствий функционирования искусственного интеллекта, например способен ли алгоритм отчуждать и приобретать имущество, нести ответственность за свои действия полностью или частично, распоряжаться своими правами. В статье сделан вывод, что концепция квазисубъекта права позволит интегрировать искусственный интеллект в российскую правовую систему и обеспечит с юридической стороны возможности для развития и применения соответствующих технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросеть; самообучающиеся системы; субъект права; правосубъектность; квазисубъект.

Введение

Актуальность темы обусловлена проблемами регулирования цифрового пространства, в том числе вопросами разграничения ответственности за правонарушения в этой сфере, установления субъекта преступления, рисков нарушения прав человека и экономического ущерба в условиях цифровизации.

Цели и задачи заключаются в исследовании правового положения нейросетей и искусственного интеллекта в российской и мировой практике, включая анализ современных концепций о гипотетической правосубъектности автономных алгоритмов.

Новизна определяется необходимостью анализа теоретико-правовых аспектов регламентации деятельности самообучающихся систем и обусловлена свойствами искусственного интеллекта как комплексного феномена, объединяющего технологические и социальные трансформации.

Методология исследования основана на отечественных и зарубежных источниках и включает применение общенаучных и специальных методов, в том числе формально-юридического, сравнительно-правового, экстраполяционного, а также правового моделирования и контент-анализа. Правовая природа искусственного интеллекта исследуется посредством инструментария постклассической правовой теории, включающей социальный, исторический, естественно-правовой, позитивистский контексты [7, с. 11–20; 8, с. 151–180].

Основная часть

Общеправовые проблемы регулирования искусственного интеллекта в России

Правовые документы в сфере регулирования искусственного интеллекта в России разработаны и приняты в срок менее пяти лет и содержат примеры федерального и региональных законодательств, подзаконные акты и регламенты.

В связи с активным обновлением общественных отношений в текстах нередко обнаруживаются юридико-технические недостатки: отсутствие системности в подготовке правовых мер, преимущественно подзаконный характер регулирования, пробелы в нормативных актах и противоречия между ними, дублирование терминов с определениями в различных документах.

В процессе разработки механизмов регулирования искусственного интеллекта нередко обнаруживается дефицит теоретико-правовых исследований. В частности, отмечается необходимость разработки следующих задач:

- совершенствование понятийного аппарата, в частности вопросов разграничения понятий «искусственный интеллект» (включая исследование легальной дефиниции), «нейросеть», «робот», «бот», «дрон», «программный робот»;

- проблема гетерогенности правовых статусов различных технологий самообучающихся систем и роботов, оснащенных искусственным интеллектом;

- методология разграничения ответственности за последствия функционирования самообучающихся алгоритмов, например между разработчиками, операторами и пользователями;

- создание правовой конструкции искусственного интеллекта с учетом особенностей, обусловленных сочетанием качеств субъекта и объекта прав;

- оценка рисков, связанных с попытками конструирования инклюзивной правосубъектности искусственного интеллекта;

– смежные философско-правовые проблемы, касающиеся роли и места самообучающихся систем в объективной реальности и правовой системе.

Легальное и доктринальное понимание термина «искусственный интеллект»

В 2019–2020 годах в федеральном и подзаконном актах (Федеральный закон № 123-ФЗ, ст. 2 пп. 2–3; Указ Президента РФ от 10.10.2019 (далее — Указ № 490), ст. 5, пп. «а»), появились два близких по содержанию определения понятия «искусственный интеллект», которые включают следующие его характеристики:

- комплекс технологических решений;
- способность воспроизвести мыслительные функции человека с сопоставимыми результатами;
- возможность осуществлять самостоятельный поиск решений и работать без заранее заданного алгоритма;
- наличие программного обеспечения, включая машинное обучение;
- организационно-техническая реализация на базе информационно-коммуникационной инфраструктуры.

До настоящего времени вопрос о признаках и правовом статусе искусственного интеллекта вызывает многочисленные споры в научной и общественной среде. Характеристикой, отличающей искусственный интеллект от других самообучающихся технологий, является, по мнению многих исследователей, способность системы мыслить в условиях автономности, то есть самостоятельно [5, с. 74, 76; 7, с. 67; 1, с. 86, 113; 9, часть XIII, с. 1, 3, 5, 17, 26–36, 66, 68].

Понятие автономности мышления не определяется, но присутствует в российском законодательстве, например в упомянутых выше документах (Указ № 490, ст. 5 п. «в»; Приказ № 392, ст. 5–6¹). В философско-правовом смысле русский философ И. А. Ильин понимает под автономностью самосознание гражданина. И. Кант формулирует автономность как готовность добровольно соблюдать предписанные правила в интересах общего блага. Р. Иеринг предполагает наличие автономности у субъекта, принимающего решение бороться за свое право [2, с. 506–515, 703–708, 865–866, 872–873, 876].

В зарубежной научной литературе содержание понятия «автономность» определяется следующими признаками [10, с. 104]:

- элементы осознания своей субъектности, в частности интеллектуальное самосознание, способность к самообучению, готовность понимать смысл

¹ Приказ Министерства экономического развития РФ от 29 июня 2021 г. № 392 «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта» [Электронный ресурс] // Документы системы ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/401554026/> (дата обращения: 01.12.2021).

своих действий и бездействий, выработка неочевидных решений и возможность их осуществлять;

- способность к адаптации;
- самостоятельность и независимость в вопросах перезапуска, включения, отключения системы, возможность блокировать подобные сторонние действия.

Отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что автономность программы или робота, применяемых в военной сфере, не может быть полной даже в случае достижения системой ментального равенства с человеком [7, с. 171–172; 10, с. 3, 19, 30–31, 35–36].

Важно добавить, что отличительные характеристики искусственного интеллекта определяются и другими признаками. С точки зрения П. М. Морхата [3, с. 5–8, 65–67], в современных условиях искусственный интеллект также характеризуют следующие свойства:

- виртуальность, в соответствии с которой искусственный интеллект может быть определен как программно-аппаратное средство, включающее информационное содержание помимо реального, физического;
- информационно-коммуникационная система может быть определена как кибернетическая, киберфизическая, а также как биокибернетическая;
- антропоморфность когнитивных действий, саморегуляция, способность к структурированному накоплению информации, в том числе и так называемый генетический поиск, когда первоначальная и последующая информация сохраняются в ранжированном виде, разделенном на различные «поколения» и «родительскую информацию».

И. В. Понкин и А. И. Редькина относят к характеристикам искусственного интеллекта следующие признаки [4, с. 94–105]:

- помимо кибернетического и биокибернетического, программно-технического содержания имеется также электронное, электромеханическое и гибридное содержание;
- субстантивность как определенная доля субъектности и автономности, включая операционную способность развиваться и самообучаться;
- высокоуровневые возможности восприятия информации;
- способность коммуницировать внутри своих структурных элементов и за их пределами;
- способность к самоанализу и саморецензированию.

Зарубежные авторы иначе определяют свойства искусственного интеллекта [9, с. 156–157, 164–165]:

- социализация, при которой искусственный интеллект создается как предсказуемая система, способная принимать разумные с человеческой точки зрения решения;
- качество информации, на которой основана деятельность искусственного интеллекта. Учитывая возможности многоуровневой коммуникации и высокий уровень обработки информации, все, чему обучается система, должно быть корректным и гуманным;

– вариативность и открытость, при которых искусственный интеллект способен самостоятельно ставить цели, выходящие за рамки первоначального задания.

На основании обзора научных точек зрения можно сделать вывод о том, что отечественное легальное определение искусственного интеллекта содержит признаки и свойства, присущие самообучающимся системам в целом. В то же время искусственный интеллект отличается качеством автономности и высоким уровнем коммуникации между собственными элементами и с внешней средой.

Предполагаемая автономность деятельности искусственного интеллекта в отсутствие полноценной правосубъектности создает противоречивую с правовой точки зрения ситуацию не только в случае наступления неблагоприятных последствий, но и позитивных результатов, например это проблема возникновения субъективного права на блага, созданные или приобретенные искусственным интеллектом.

Исследование теоретико-правового содержания понятия «искусственный интеллект» обнаруживает наличие правовой аномалии: такие параметры, как автономность, самостоятельность мотивации, выход за пределы алгоритма, характеризуют признаки субъекта права. При этом вопрос о правосубъектности технологии, по крайней мере в отечественной правовой парадигме, остается дискуссионным.

Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты современных концепций

Попытки наделить искусственный интеллект качествами полноценной правосубъектности до настоящего времени оказывались безуспешными, а автономность программ и роботов оставалась фиктивной.

При этом классифицировать самообучаемые алгоритмы исключительно как объект права затруднительно в связи с высокой степенью самостоятельности их действий.

Например, в 2016 году искусственный интеллект вошел в состав совета директоров венчурного фонда Deep Knowledge Ventures.

В 2019 году профессор Райан Эббот заявил, что его отделом были поданы две международные патентные заявки на изобретения, созданные искусственным интеллектом.

В 2021 году робот с искусственным интеллектом «София» продал на платформе Nifty Gateway невзаимозаменяемый токен с изображением, созданным на основе работы итальянского цифрового художника Андреа Боначете; цена сделки по продаже NFT-токена составила более 688 тысяч долларов. Ранее, в 2017-м, проект «София» получил гражданство Саудовской Аравии.

В России и за рубежом существуют несколько точек зрения относительно роли и места искусственного интеллекта в правовой теории. Классификация

типов правосубъектности «цифровых существ» в диапазоне от отрицания до полного принятия предложена в работе Т. Малгана [10, с. 911]:

- «эксклюзивизм» (только биологические люди могут иметь правосубъектность);
- «минимальный инклюзивизм» (цифровые существа могут быть независимыми агентами, но не моральными агентами или лицами);
- «умеренный инклюзивизм» (цифровые существа могут быть моральными агентами, но не равны людям);
- «крайний инклюзивизм» (цифровые существа могут быть полноправными личностями с правами человека и иметь морально значимые интересы).

Проблема правового положения искусственного интеллекта активно исследуется и в отечественной научной литературе. Ю. А. Тихомиров и соавторы предполагают возможность рассматривать в будущем робота как особый субъект права [1, с. 21–42]. В отраслевых исследованиях формулируются компромиссные подходы к правовому статусу искусственного интеллекта, в частности речь идет о правовой конструкции «электронного лица», «агента», «юнита искусственного интеллекта» [3, с. 47, 86–99]. Согласно материалам исследовательского центра «Робоправо» и в соответствии с проектом Международной модельной конвенции о робототехнике 2017 года роботы позиционируются как субъекты права, которые могут самостоятельно вступать в гражданские правоотношения, в том числе выступать собственниками других роботов.

Чтобы определить, применима ли конструкция правосубъектности (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность) к самообучающимся системам, предлагается сопоставить теоретико-правовые характеристики категории субъекта права с опциями искусственного интеллекта.

Согласно точке зрения Г. Ф. Шершеневича, субъект права полностью лишен антропологических или естественно-правовых характеристик и вторичен по отношению к государству. В соответствии с естественно-правовой теорией Ж.-Ж. Руссо права и свободы принадлежат субъекту по факту рождения, а государство закрепляет их в форме закона. И. Кант предложил воспринимать субъект права как носителя нравственности, который способен соблюдать нормы права без диктата государства. Г. Ф. Гегель рассматривает правосубъектность как свойство личности, следующей рациональным началам разума. Воля, будучи отличительным признаком субъекта, обозначена в трудах Ф. К. Савиньи в качестве условия возникновения правоотношений. Согласно психологической концепции Л. И. Петражицкого восприятие субъектом закона является определяющим фактором при реализации права [2, с. 376–387, 507, 520–538, 707, 837–839].

Перечисленные концепции отражают различные философско-правовые аспекты правосубъектности, но современные исследования предлагают воспринимать субъект комплексно. По мнению Д. А. Пашенцева, в рамках концепции антропоцентризма субъект права может рассматриваться как центр правовой системы, а действенность закона зависит в большей степени от понимания

нормы, чем от представлений законодателя о регулировании [6, с. 30]. С точки зрения И. Л. Честнова, согласно постклассической теории субъект права обусловлен социальным и историческим контекстом, зависит от государства, которое закрепило его естественные права, и одновременно является творцом правовой реальности [8, с. 391–405].

Представляется возможным сформулировать правовую конструкцию искусственного интеллекта в рамках позитивистской теории: самообучающиеся системы признаются субъектом на основе правовой фикции по аналогии с юридическим лицом.

Концепция И. Канта предполагает невыполнимое для автоматизированной системы условие наличия у субъекта права нравственных качеств.

Точка зрения Г. Ф. Гегеля подразумевает разум и знание как основу правового поведения, что возможно, по крайней мере частично, для автономных самообучающихся алгоритмов.

Концепция исторической школы права позволяет рассмотреть признак автономности в качестве условия об активной воле субъекта.

Психологическая теория демонстрирует, что правосубъектность искусственного интеллекта ограничена, поскольку интуитивное понимание права машиной (то есть без алгоритма) технически неосуществимо.

Антропоцентризм как теория о субъекте права препятствует применению категории правосубъектности к искусственному интеллекту, поскольку учитывает определяющую роль субъективного понимания права в процессе реализации норм и личностные особенности индивида.

В результате можно предположить, что искусственный интеллект обладает частичной дееспособностью, основанной на автономности. При этом у самообучающихся систем ограничена возможность осознавать ценностные аспекты права и способность субъективно воспринимать нормативные предписания, то есть отсутствует правосознание.

По данному вопросу в зарубежной литературе отмечается, что содержание возможной правосубъектности искусственного интеллекта должно характеризоваться не только автономностью мышления, но и способностью иметь морально значимые интересы [10, с. 209].

Таким образом, для признания гипотезы о наличии правосубъектности у искусственного интеллекта нет оснований. В то же время невозможно отнести данную технологию к категории объектов права в связи с высокой степенью ее самостоятельности в принятии решений.

Попытки разрешения теоретико-правовой дилеммы об определении искусственного интеллекта как объекта или субъекта права приводит к возникновению прикладных проблем:

– разграничение ответственности за последствия деятельности между разработчиками оборудования и программного обеспечения, пользователями, технической поддержкой, выгодоприобретателями, клиентами и заинтересованными лицами;

– сложность определения субъекта ответственности за преступления и правонарушения;

– юридино-технические недостатки, возникающие при подготовке текстов документов.

В правовой теории вопрос о наличии признаков субъекта права при отсутствии правосубъектности встречается в исследованиях и вне контекста искусственного интеллекта. В отечественных научных статьях рассматривается концепция квазиправосубъектности. Т. Я. Хабриева определяет непризнанные государства, самопровозглашенные республики, национальные меньшинства и коренные народы как квазигосударственные образования. В. В. Долинская называет транснациональные корпорации, органы юридических лиц, собрания квазиправосубъектными образованиями. С. В. Черниченко обосновывает необходимость определения дефиниции квазисубъектов международного права. Понятия квазиправосубъекта и квазиправосубъектных образований, а также квазигосударственности, квазисудебных функций исследуют В. В. Архипов, Л. А. Бердегулова, П. Н. Лукичев, А. Е. Мыскин, Е. В. Пономарева, А. П. Скорик, Ю. А. Тихомиров, М. В. Филимонова [5, с. 25–33].

Переходный статус самообучающихся систем обуславливает выбор правовой конструкции квазисубъекта права в качестве теоретико-правовой основы регулирования искусственного интеллекта.

Концепт квазиправосубъекта как теоретико-правовая основа регулирования искусственного интеллекта

Программы и устройства, созданные с применением искусственного интеллекта, характеризуются разнообразием вариантов исполнения и могут существенно отличаться друг от друга. К технологиям искусственного интеллекта относят, например, компьютерное распознавание визуальных объектов и речи, перевод документов в машиночитаемый вид, автоматизацию управленческих процессов (Приказ № 392, ст. 4).

При изучении вопросов правового обеспечения деятельности искусственного интеллекта выявлено несколько моделей регулирования:

– конструкция, основанная на правовой фикции, по аналогии с концепцией юридического лица;

– новый вид субъекта с ограниченной право- и дееспособностью, называемого электронным лицом или агентом;

– конструкция так называемого юнита искусственного интеллекта для отраслевых задач гражданского, предпринимательского, финансового и, возможно, уголовного права;

– разновидность инклюзивной правосубъектности по образцу физического лица, но с ограничениями в части юридической ответственности.

Отмечено, что искусственный интеллект не обладает в полной мере качествами субъекта права даже в случаях, когда его когнитивные способности превосходят человеческие; при этом правовая конструкция объекта не отвечает возможностям самообучающихся систем.

Выводы

Таким образом, искусственный интеллект не является полноценным субъектом не только вследствие недостатков в области автономного мышления, но и по причине отсутствия способности воспринимать право на уровне, сравнимом с человеческим, то есть пока у машины еще не появилось правосознание.

Способность искусственного интеллекта к автономности и мотивации в своей деятельности характеризует искусственный интеллект как особый тип квазиправосубъекта.

При подготовке правовой конструкции регулирования искусственного интеллекта в форме квазиправосубъекта сформулированы следующие теоретико-правовые характеристики:

- признаки искусственного интеллекта как квазисубъекта права;
- критерии применимости конструкции квазисубъекта права в конкретном случае;
- особенности разграничения правосубъектности и квазиправосубъектности.

Искусственный интеллект, несмотря на отсутствие полноценной правосубъектности, демонстрирует следующие признаки субъекта права:

- способность приобретать права, в первую очередь имущественные;
- возможность принять ограниченный объем ответственности за последствия своих действий;
- возможна дееспособность в рамках отработанных алгоритмов самообучения.

Применимость концепции квазиправосубъектности к искусственному интеллекту характеризуется следующими чертами:

- социальная и правовая значимость квазиправосубъекта, то есть способность технологии влиять на общественные отношения, становится причиной и поводом возникновения, изменения или прекращения правоотношения;
- признание квазиправосубъекта органами государственной власти, средствами массовой информации, профессиональными сообществами и другими институтами гражданского общества;
- технология искусственного интеллекта как квазиправосубъект обладает одним или несколькими признаками полноценной правосубъектности, но никогда не имеет полного набора (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность).

В части разграничения правосубъектности и квазиправосубъектности актуальны следующие критерии:

- по признаку дееспособности: возможность своими целенаправленными действиями осуществлять субъективные права и приобретать обязанности;
- по признаку деликтоспособности: в случае наступления неблагоприятных последствий способность реагировать на случившееся в правовом поле;

– по признаку наличия или отсутствия правового поведения и правосознания: возможность осознать границы, за которыми начинается правонарушение, и гибко реагировать на изменения таких рамок, адаптироваться к ним;

– по признаку обособленности: наличие имущественной и организационной самостоятельности.

В статье рассмотрена концепция квазисубъекта права, адаптированная к задачам право- и нормотворчества в сфере регулирования искусственного интеллекта.

В условиях цифровой трансформации вопросы ответственности за последствия деятельности самообучаемых систем являются предметом споров и дискуссий. Свойства искусственного интеллекта сочетают противоположные качества объекта и субъекта права, что затрудняет определение лиц, ответственных за правонарушение, потерпевших от противоправных действий, выгодоприобретателей и иных.

Концепция квазисубъекта права применительно к тематике самообучающихся технологий позволит интегрировать искусственный интеллект в российскую правовую систему и обеспечит возможности для развития и применения подобных технологий в рамках закона.

Литература

1. Антонова Н. В. Юридическая концепция роботизации: монография / Н. В. Антонова [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.
2. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд. М.: Норма, 2004. 944 с.
3. Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М.: ЮНИТИ, 2018. 113 с.
4. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
5. Пономарева Е. В. Феномен квазисубъекта права: вопросы теории: монография / под ред. С. И. Архипова. М.: Юрлитинформ, 2020. 154 с.
6. Пашенцев Д. А. Правосубъектность в современной теории права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. М.: Статут, 2017. 434 с.
7. Пашенцев Д. А. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д. А. Пашенцев [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
8. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 649 с.
9. Encyclopedia of Artificial Intelligence: The Past, Present, and Future of AI. Philip L. Frana and Michael J. Klein, Editors. Santa-Barbara, California. ABC-Clio, LLC. 2021. 387 p.

10. Tim Mulgan. Corporate Agency and Possible Futures. *Journal of Business Ethics* (2019). Vol. 154. Iss. 4. P. 901–916.

Literatura

1. Antonova N. V. *Yuridicheskaya koncepciya robotizacii: monografiya* / N. V. Antonova [i dr.]; otv. red. Yu. A. Tixomirov, S. B. Nanba. M.: Prospekt, 2019. 240 s.

2. *Istoriya politicheskix i pravovy`x uchenij: uchebnik dlya vuzov* / pod obshh. red. V. S. Nersesyancza. 4-e izd. M.: Norma, 2004. 944 s.

3. Morxat P. M. *Pravosub`ektnost` yunitov iskusstvennogo intellekta. Grazhdansko-pravovoe issledovanie*. M.: YuNITI, 2018. 113 s.

4. Ponkin I. V., Red`kina A. I. *Iskusstvenny`j intellekt s tochki zreniya prava* // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. 2018. T. 22. № 1. S. 91–109.

5. Ponomareva E. V. *Fenomen kvazisub`ekta prava: voprosy` teorii: monografiya* / pod red. S. I. Arxipova. M.: Yurlitinform, 2020. 154 s.

6. Pashencev D. A. *Pravosub`ektnost` v sovremennoj teorii prava* // *Pravosub`ektnost`: obshheteoreticheskij, otraslevoj i mezhdunarodno-pravovoj analiz: sbornik materialov k XII Ezhegodny`m nauchny`m chteniyam pamyati professora S. N. Bratusya*. M.: Statut, 2017. 434 s.

7. Pashencev D. A. *Cifrovizaciya pravotvorchestva: poisk novy`x reshenij: monografiya* / D. A. Pashencev [i dr.]; pod obshh. red. d-ra jurid. nauk, prof. D. A. Pashenceva. M.: INFRA-M, 2019. 234 s.

8. Chestnov I. L. *Postklassicheskaya teoriya prava*. SPb.: ALEF-Press, 2012. 649 s.

9. *Encyclopedia of Artificial Intelligence: The Past, Present, and Future of AI*. Philip L. Frana and Michael J. Klein, Editors. Santa-Barbara, California. ABC-Clio, LLC. 2021. 387 p.

10. Tim Mulgan. Corporate Agency and Possible Futures. *Journal of Business Ethics* (2019). Vol. 154. Iss. 4. P. 901–916.

P. S. Gulyaeva

QUASI-LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

Abstract. The article is devoted to the study of general legal aspects of the regulation of the activities of self-learning systems. The objectives of the work include the analysis of the legal definition and doctrinal interpretation of the term “artificial intelligence”. As part of the study of the category of the subject of law, the debatable issue of the possible legal personality of autonomous algorithms is considered. The methodology is based on a formal legal study of normative legal acts regulating artificial intelligence. The novelty of the topic lies in the fact that the scientific literature lacks a sufficient number of theoretical and legal studies related to the issues of determining the consequences of the functioning of artificial intelligence; for example, whether the algorithm is able to alienate and acquire property, to be responsible for its actions in fully or partly, to dispose of the rights. The article concludes that the concept of a quasi-subject of law as applied will allow to integrate artificial

intelligence into the Russian legal system and to provide an opportunity for the development and application of relevant technologies.

Keywords: artificial intelligence; neural network; self-learning systems; subject of law; legal personality; quasi-subject.

Статья поступила в редакцию: 13.12.2021;
одобрена после рецензирования: 09.01.2022;
принята к публикации: 11.01.2022.

The article was submitted: 13.12.2021;
approved after reviewing: 09.01.2022;
accepted for publication: 11.01.2022.